ISSN 0130-7673

НОВЫЙ МИР

10

2015

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В становье возле Дона автор встретил десятилетнего мальчика — беженца из разбомбленного Донбасса.

- Борис Екимов
  - ○

Борис Екимов
ВИНОВАТЫЙ

Холодная нынче весна в Кисловодске. День-другой солнце проглянет, а потом снова сизая наволочь сползает с гор, гонит ее ледяной ветер. Временами порхает, ложится на землю редкий снежок.

В курортном просторном парке не больно людно, а вечерами и вовсе: фонари, пустые дорожки. Даже в сквере, у санаторных корпусов — безлюдье. Зато светят окна, словно пчелиные соты, от первого этажа до последнего, из края в край.

И даже здесь, на воле слышно, как бубнят телевизоры. Одни — громче, другие — тише.

Весна нынче холодная. Но все равно хорошо: чистый воздух, пахнущий сосновым корьем и хвоей, высокие деревья, верховой ветер, в прогалах вершин — далекое небо, порой звездное. Тишина и покой.

До телевизора я не великий охотник. А теперь — и вовсе. Там, с утра до ночи, война, людская беда — Украина. Для меня это не просто картинка, но свое поднимается, давнее, которое было у нас: развалины, голод и холод, гибель родных, сиротство, землянки, вши, госпитальные помойки, из которых тайком, ползком можно картофельных очисток набрать для еды. Вроде давнее-давнее, считай, забылось. А теперь поднимается.

Но свое, слава богу, прошло. А вот нынешнее. Детишек разве не жалко?

Горько, страшно смотреть. Но порой, через силу, гляжу: в подвалах — детишки, у развалин, а вот убитый ли, раненый весь в крови, на земле, на руках матери, на носилках… Гляжу и боюсь узнать. Не он ли, тот светлоголовый мальчик, которого я встретил прошлым теперь уже летом на донском берегу.

Дело было в августе. Я приехал на хутор, к приятелю, чтобы на воде побыть, порыбачить, ухи похлебать. Сначала была разведка: на Голубинский остров, на Картули да Клешни.

— Заедем к Василию, — предложил мой приятель. — Он все знает. Заодно поглядишь, какую он печку сложил.

К Василию, значит — к Василию. Про него я слыхал. И вроде знакомились, мельком. Он — бывший шахтер с Украины. Давно сюда ездит, каждое лето. Стан его, с недавних пор, на берегу левом. Сюда перебрался он, спасаясь от своих земляков, которые гуртуются на Картулях, их все больше и больше, уже один на другом сидят. Ни границы их не держат, ни война. Едут и едут.

Василий не любит толчеи.

Лодочный мотор у моего товарища не больно шумный: вполголоса бубнит да бубнит. Плывем помаленьку.

Поздним летом да ранней осенью в наших краях на берега и воды речные нисходит покойная благость. Отгорело жаркое лето. Но земля не скоро остынет. Тепло и тепло. Хотя порой ночною по глубоким балкам да пологим ложбинам стекает к воде ночная прохлада.

На высоких холмах Задонья — желтая высохшая трава да черные языки степных палов. Возле Дона, на берегах, в займищах, — вербовая и тополевая зелень, дубы, вязы, тихая вода, белый песчаный берег.

Таким открывалось становье Василия. Песчаный берег, лодка, зачаленная у коряги, удилища закидных снастей, тугие лески, уходящие в воду, полотняное креслице рядом. И светлоголовый босоногий мальчик, который нас встретил приветливо: поздоровался, шлепая по воде, подтянул нашу лодку к берегу, чтобы мы сошли на сухое.

Товарищ мой угостил молодого хозяина заранее припасенными яблоками из своего сада, а углядев на берегу кучу пиленых тополевых кругляшей и глухой стук услыхав, заинтересовался:

— Чего это вы с дедом опять творите?

— Полы выкладываем.

— Полы? Ну вы даете… А ты — грузчик? Не тяжело? Давай-ка поможем.

Пиленые кругляши были явно тяжеловаты для десятилетнего мальчика. Таким он гляделся.

Но он успокоил нас:

— Я — тренированный. Я же занимаюсь борьбой самбо. Я уже много перетаскал. По лестнице только трудно.

Пологий песчаный берег, отступив от воды, вздымался глинистым обрывом, в котором был прокопан подъем со ступенями. По ним с ношею и впрямь подниматься было трудновато. Но втроем мы быстро справились, перетаскав и перебросав наверх всю кучу напиленных кругляков.

Товарищ мой, телом тучный, одышливо пыхтел. Окончив работу, он громко сказал:

— Рюмку-другую я точно заработал.

— Нальем! Какие дела! — ответил уже сам хозяин Василий, встречая нас на берегу высоком.

— Вот это он творит, так творит, — удивился товарищ мой. — Либо зимовать собирается?

— А может, еще и придется, — ответил Василий.

Зимовка — не зимовка, но становье было обустроено не в пример иным. Рядом с двумя обычными палатками и столиком полевым расположилась настоящая кухня с просторной кирпичной печью, дощатым полом, камышовыми стенами и крышей — все честь по чести. А из пиленых кругляков, по месту обрезая их на квадрат, хозяин выкладывал площадку возле кухни.

— Чтобы песок не таскать. Скамейку поставим, навес сделаем.

— Конечно… — поддержал его мой товарищ. — С таким помощником… Тем более он — тренированный, самбист…

— Помощник, — с улыбкою подтвердил дед, поглядывая на внука. — Мы с ним и сетки ставим.

Из палатки вышла молодая женщина в спортивном костюме, с нами поздоровалась, у сына спросила:

— Что будешь есть? Самбист…

— Макароны по-флотски!

— Опять.

— Конечно! Я их больше всего люблю. Я же моряком буду.

— Всем ты будешь… — вздохнула мать и принялась хлопотать у плиты и кухонного стола.

Товарищ мой выспрашивал Василия о клеве: что да где… Мне было интересно иное: становье, чистота и порядок во всем, добротно сложенная печь, приветливые, аккуратные в одежде хозяева, молодая женщина, сынишка ее.

— Ты здесь раньше бывал? — спросил я у мальчика.

— Конечно, — ответил он. — Я здесь первый раз был еще в животе у мамы.

Я удивился. Молодая женщина, слыша наш разговор, засмеялась и покивала головой: мол, правда, правда…

Вскоре в жаровне зашкворчало, вкусно и сытно запахло поспевающей едой: поджаренным луком и мясом.

От угощенья мы отказались. Стали прощаться.

— Ты упреди, когда поедешь, — сказал мой товарищ. — Я буду приглядывать.

— В субботу, — ответил Василий. — Спокойная дорога. Машин поменьше.

— К себе?

— Вряд ли… Его надо куда-то пристраивать, — кивнул он в сторону внука. — Скоро ведь школа. В Орел собирались. Там родная тетка. Он не хочет. В Мариуполе есть родня.

— Я домой хочу, — громко сказал мальчик. — Наша школа целая, я знаю.

— Все ты знаешь…

— Да, знаю… Наша школа крепкая, ее не разбомбили. Там

будут все мои друзья: Митя, Алешка… Я с ними с первого класса! И с детского сада! И с Машей мы на одной парте!.. — Голос мальчика звенел, повторяя, как видно, не раз уже сказанное. — А на секцию, в самбо, я где буду ходить? В Орле, что ли, или в вашем Мариуполе? Я же в перспективной группе занимаюсь! Разве я — виноватый?! Я — не виноватый! Я домой хочу!

— Садись и ешь, — твердо сказала мать. — Разберемся. Все!

Мальчик сразу погас, понурившись, пошел к столу, к горячему пахучему жареву, которое мать накладывала ему в тарелку. Он подошел и встал, видимо, вспомнив, вскинул голову и спросил громко:

— А в морской клуб кто за меня будет ходить?!

И тут же заплакал навзрыд, убегая от стола и скрываясь в палатке.

Молодая женщина постояла недолго и, на ходу проговорив: «Извините», поспешила сыну вослед.

Мы остались втроем; повздыхали, пошли к воде.

Хозяин проводил нас до самой лодки, отвязал ее, легко сдвинул с береговой кромки на глубь. Крепкий, мускулистый, еще не старый мужик. Шахтеры рано уходят на пенсию.

Попрощавшись, стали мы подниматься вверх по теченью. Негромко стучал мотор, вперебив ему словоохотливый мой приятель о хуторских новостях вещал, но более о телевизионных, конечно же, про Украину.

Погожий день позднего лета тянулся неспешно на тихой воде, в зеленых лесистых и светлых песчаных берегах, к которым мы порой приставали, чтобы грибов поискать, шиповника да боярки собрать, проведывая места заветные: Бурунистое, Синие талы, Крестовку да Клешни…

Пытались мы ловить судака ли, щуку на блесну, на другую снасть. Но рыба молчала. Даже на людном пристанище хохлов, на Картулях да Голубинском, нас ничем не порадовали. Молчит рыба. Значит, будет меняться погода.

На пути обратном, проплывая мимо становья Василия, видели мы хозяев. Василий занимался лодочным мотором, внук его, словно жеребенок, скакал по мелководью, вздымая фонтаны брызг.

Это осталось в памяти: белая полоса песчаного берега и мальчик в сияющем ореоле солнечных брызг.

Так прошел для меня день первый. За ним — второй, третий. Хорошее было гостеванье на хуторе обезлюдевшем, тихом, среди последних его долгожилов, таких же стариков, как и я.

Потом я надолго уехал, возвратившись в края родные поздней слякотной осенью. Вечерами со скуки да порой за

компанию с родными стал заглядывать в телевизор. Обычно такая забава для меня кончается быстро, тем более когда стреляют и стреляют, бомбят, помощь из России везут, хлеб раздают старикам, детям; и тут же — взрывы, разбитые дома, подвалы, набитые людьми — не братские ли это могилы? И суровые люди с оружием, танки да пушки — одно не лучше другого. Посмотришь минуту-другую, душа вянет. А порой вдруг почудится: не страшный ли это сон? Но сразу очнешься: нет, это — наш век, наша земля, наша жизнь.

Свое, военное, давнее-давнее всплывает: развалины, сырые землянки, светильники-«коптюшки» из снарядных гильз, гибель родных, горькое сиротство, долгий голод, желудевые лепешки, похлебка из лебеды, тоненький ломтик черного хлеба, который нужно постараться не есть, а сосать — так лучше. Это было ведь, было… Слава богу, прошло. А теперь — снова. Пусть не у нас. Но услужливый большой телевизор так явственно кажет чужую беду. Не отгородишься. Выключишь, а все равно видишь.

В один из вечеров показывали снарядами разбитую школу и ребятишек. Лица детей прошли мельком, но в одном из них почудилось мне знакомое. Не тот ли мальчик, которого летом я встретил на берегу Дона? Милый мальчонка в шортах да маечке, босоногий, бегущий по воде, в ореоле сияющих солнечных брызг.

Господи, помоги ему… Если мы — не в силах.

Это была поздняя осень. Я позвонил на хутор своему товарищу. Про Василия и внука его он ничего не знал толком. Вроде у себя. И вроде живые.

Теперь — холодная весна в Кисловодске. Порой вечерами включаю телевизор. Там — все то же: Украина, война, пушки, снаряды, тяжелые танки, развалины… Глядеть на все это тошно. Мальчик вспоминается. Господи, помоги ему. Разве он — виноватый?